

Н.М. Великая

N. Velikaya

**ЖЕНЩИНЫ В
ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ
РОССИИ, КАЗАХСТАНА И
УЗБЕКИСТАНА В
КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ В XXI ВЕКЕ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ)**

**WOMEN IN THE PUBLIC
DISCOURSE OF RUSSIA,
KAZAKHSTAN AND
UZBEKISTAN IN THE
CONTEXT OF POLITICAL
REGIME
TRANSFORMATION IN
THE 21ST CENTURY (A
COMPARATIVE ANALYSIS)**

Аннотация

В статье анализируется специфика репрезентации женской тематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов и неоконсервативного поворота в XXI веке. Исследование опирается на гендерный подход, концепцию дискурсивной конструируемости социальных ролей.

На основе анализа официальных документов (стратегий демографического развития, законов о гендерном равенстве, о защите материнства и детства) более чем за 20 лет, авторы показывают изменение содержания законодательства в области обеспечения прав женщин, особенности государственной семейной и демографической политики.

Показано, что Россия, на фоне демографического старения и низкой рождаемости, выступает «матрицей» неоконсервативного поворота с акцентом на традиционалистский семейно-демографический дискурс, постепенно отказывается от гендерного подхода в разработке политических решений, а в публичном дискурсе вопросы о реализации прав женщин вытесняются вопросами об обязанностях женщин в демографической сфере. Казахстан и Узбекистан, обладая более молодым населением и относительно более высокой рождаемостью, воспроизводят близкие по содержанию традиционалистские нарративы, адаптированные к мусульманскому кон-

Abstract

The article examines the specifics of the representation of women's issues in the public discourse of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan in the context of the transformation of political regimes and the neoconservative turn in the 21st century. The research is based on the gender approach, the concept of discursive constructibility of social roles.

Based on the analysis of official documents (demographic development strategies, laws on gender equality, protection of motherhood and childhood) for more than 20 years, the authors show a change in the content of legislation in the field of women's rights, the specifics of state family and demographic policy.

It is shown that Russia, against the background of demographic aging and low birth rate, acts as a "matrix" of a neoconservative turn with an emphasis on a traditionalist family demographic discourse, gradually abandoning the gender approach in developing policy decisions, and in public discourse, questions about the realization of women's rights are replaced by questions about women's responsibilities in the demographic sphere. Kazakhstan and Uzbekistan, with their younger populations and relatively higher birth rates, reproduce similar traditionalist narratives adapted to the Muslim context and the specifics of the evolution of political regimes. At the same time, the formal

тексту и специфике эволюции политических режимов. При этом формальный интерес политических элит и СМИ к гендерной проблематике происходит там на фоне сближения с общемировой повесткой.

Распространение политики «неотрадиционализма» сказывается на содержании публичного дискурса: при декларируемой приверженности принципам равенства государственная политика и официальные нарративы закрепляют приоритет материнства и семейной роли женщин, в той или иной мере маргинализируя темы репродуктивных прав, гендерного насилия, экономической автономии и доступа к политике. Выделяя основные фреймы женского публичного дискурса, делается вывод о том, что консервативный консенсус вокруг «традиционных ценностей» в трёх странах становится важным ресурсом стабилизации режимов, но одновременно воспроизводит структурное неравенство и ограничивает возможности для расширения политической и социальной субъектности женщин.

interest of political elites and the media in gender issues is taking place there against the background of convergence with the global agenda.

The spread of the policy of "neo-traditionalism" affects the content of public discourse: while declaring commitment to the principles of equality, government policy and official narratives reinforce the priority of motherhood and the family role of women, marginalizing to one degree or another the themes of reproductive rights, gender-based violence, economic autonomy and access to politics. Highlighting the main pillars of women's public discourse, it is concluded that the conservative consensus around "traditional values" in the three countries is becoming an important resource for stabilizing regimes, but at the same time reproduces structural inequality and limits opportunities for expanding women's political and social subjectivity.

Ключевые слова:

гендерная политика, гендерный порядок, публичный дискурс, неоконсервативный поворот, Россия, Казахстан, Узбекистан, традиционные семейные ценности.

Key words:

gender policy, gender order, public discourse, neoconservative turn, Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, traditional family values.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82>

К XXI веку гендерный порядок, понимаемый как взаимообусловленность институтов и гендерной идентичности (Conell, 1987), стал рассматриваться как один из индикаторов трансформации политических режимов и степени институционализации прав человека в широком смысле. При этом публичный дискурс все чаще становится полем гендерных конфликтов, обостряемых глобализационными процессами, которые меняют рынки труда, трансформируют семейные отношения и формы родительства, ведут к усложнению пространства идентичностей и формируют новые социальные практики и социальные отношения (Fonow, Cook, 2005).

Что касается постсоветского пространства, сама по себе гендерная проблематика здесь то становилась одним из центров общественной дискуссии, то вытеснялась на периферию публичного дискурса. Разные страны де-

монстрируют существенные расхождения в плане оценки значимости этой темы, различия в гендерной политике и дифференциацию социальных практик. Мы разделяем точку зрения Г.Г. Силласте о том, каждому социальному времени соответствует свой социальный порядок и его гендерное выражение. При этом в разных странах становление гендерного порядка формируются исходя из ранее достигнутых экономических и социальных возможностей настоящего и сложившегося в нации морального, генетически закрепленного в исторической памяти и сознании культурно-ценностного кода (Силласте, 2020, с. 40). Так же и понятие «женщина» является историческим и социальным конструктом, наполненным разным смыслом в разных дискурсивных ситуациях и социально-политических контекстах.

Заметим, что публичный дискурс о женщинах и для женщин в постсоветских странах формируется на пересечении наследия советской модели формального равенства, религиозно-культурных традиций и новых стратегий политического управления, ориентированных, с одной стороны, на контроль над репродуктивными практиками и семейными отношениями, а с другой, на необходимость следовать международным нормам обеспечения гендерного равенства.

Мы намерены рассмотреть, как репрезентируются женские права и обязанности в публичном пространстве, каким образом гендерная повестка встраивается в процессы укрепления гибридных и неоавторитарных политических режимов. Выбор стран для анализа определяется геополитическим и цивилизационным контекстом. Россия и Казахстан являются активными участниками интеграционных проектов на Евразийском пространстве, прежде всего в рамках Евразийского экономического союза. Это предполагает определенную координацию политических и правовых подходов, в том числе в сфере демографической и семейной политики (Karabayeva, 2021). Узбекистан, оставаясь вне ЕАЭС, тем не менее активно взаимодействует с Россией и Казахстаном в сфере миграции, безопасности и экономического сотрудничества (Asanbekova et al., 2021).

При этом все три государства являются наследниками советской модели модернизации, в рамках которой было институционализировано формальное равноправие мужчин и женщин, обеспечен массовый выход женщин на рынок труда и расширен доступ к образованию, но при этом сохранялась двойная нагрузка и репродукция традиционного распределения домашних обязанностей (Tartakovskaya, 2000). Воспроизводство этих паттернов на фоне традиционализации социальных отношений, связанных в том числе с ростом религиозности в разных масштабах, формирует социокультурную среду, на фоне которой разворачиваются современные дискуссии о «насто-

ящей женской роли» и о значимости гендерного равенства в современных социальных процессах.

Современные исследователи гендерной проблематики в России и странах Центральной Азии рассматривают социальный и социокультурный статус женщин в постсоветский период в контексте особенностей трудовой занятости и уровня образования (Осмонова, 2018; Козик, 2025; Милованова, 2025). Значительное количество работ посвящено проблемам правового обеспечения гендерного равенства (Собинова, Ганиева, 2016), роли гендерных стереотипов в воспроизводстве неравенства (Рябова, 2001; Мекебаева, 2018).

Цель работы – выявить специфику репрезентации женской тематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте неоконсервативного поворота и трансформации политических режимов в XXI веке, сопоставив демографические, социально-экономические и дискурсивные параметры гендерной политики.

Теоретической основой исследования является гендерный подход в политической науке (Scott, 2000), в сочетании с концепцией гегемонной маскулинности Р. Конелла, разделяющего гендерный порядок и гендерный режим. В этой логике именно государство осуществляет нормативное регулирование отношений и формирует особенности гендерных режимов в разных общественных сферах (Connell, 1987, с. 126), а также контролирует гендерные отношения через доминирующие официальные идеологические дискурсы.

Субъектами, разворачивающими дискурс, выступают в данном случае различные группы интересов, имеющие доступ к медийным ресурсам и пользующиеся значительным влиянием. Наша исследовательская стратегия в данном случае предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных политическими субъектами, представленными в официальных документах, заявлениях, публичных текстах и выступлениях, а также выявление доминирующих фреймов текста, связанных с социальными репродуктивными правами женщин. В настоящую статью не вошел анализ репрезентации политических и экономических прав, прежде всего в силу слабой представленности в политическом дискурсе выбранных стран темы равенства и социальной справедливости.

Статья опирается на сочетание качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа публикаций в СМИ и выступлений лидеров мнений. В том числе применяется контент-анализ и фрейм-анализ стратегий демографического развития, национальных программ по обеспечению гендерного равенства, законов о семье, материнстве и детстве, парламентариев, членов правительств, лидеров партий и религиозных организаций России, Казахстана и Узбекистана.

Россия, Казахстан, Узбекистан: трансформации политических режимов и гендерного порядка

Трансформация политических режимов в постсоветской Евразии давно стала предметом научного анализа, охватывающего переход от неопределенных форм «переходной демократии» к устойчивым конфигурациям конкурентного авторитаризма, персоналистских и гибридных моделей (Виноградов, Рябов 2019; Абрамов, Алексеев, 2023). В этой перспективе Россия, Казахстан и Узбекистан демонстрируют различные сценарии концентрации власти в руках президентских институтов, перераспределения полномочий между ветвями власти, трансформации партийных систем и управления электоральными процессами (Гуселетов, Великая, 2025). С одной стороны, их объединяет общность постсоветского происхождения политических институтов и близость стартовых условий модернизационного проекта, с другой, они демонстрируют различающиеся траектории эволюции политических режимов, партийно-политической конкуренции и религиозной институционализации. Если в Казахстане и Узбекистане электоральный авторитаризм сложился уже в первое десятилетие после распада советского Союза (Абрамов, Алексеев, 2024, с. 58), то Россия поначалу оценивалась как переходная политическая система гибридного характера, а эволюция персоналистской автократии в России началась в первые десятилетие XXI века (Нисневич, Рябов, 2017).

Российская власть, демонстрируя устойчивое движение в направлении консолидированного авторитаризма с сильной президентской властью и ограниченной политической конкуренцией на фоне ухудшения отношений с европейскими странами, апеллировала к уникальности российской цивилизации и ориентацию на традиционные ценности сделала важным элементом официальной идеологии. Казахстан и Узбекистан, проходя собственные траектории авторитарной модернизации и точечных реформ, на фоне постколониального дискурса сохраняют значительную роль президентской власти и элитных групп, однако используют более сложные комбинации риторики модернизации при сохранении национальной самобытности. При этом можно говорить о всплеске интереса к гендерным исследованиям в национальных научных сообществах и активизации женской проблематики в публичном дискурсе по сравнению с началом нулевых.

Учитывая, что Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года ратифицировал еще Советский Союз, понятно, что и многие другие важнейшие документы подписывались вновь образованными на постсоветском пространстве государствами, Пекинской де-

кларации и Платформе действия от 1995 года. При этом во всех трех странах равенство мужчин и женщин закреплено конституционно.

Гендерная повестка весьма активно распространялась в научном и публичном пространстве России в конце 1990-х – начале 2000-х гг., чему способствовали как центры гендерных исследований в различных регионах РФ, так и разнообразные женские движения и организации, феминистского толка. Уже в начале нулевых были разработаны проект федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (в 2003), и гендерная Стратегия Российской Федерации (2004). Однако ни закон о гендерном равенстве, ни гендерная стратегия приняты не были, а сам термин гендер постепенно перешел в разряд «неодобряемых», обрастая ложными коннотациями. В публичном дискурсе конструировался образ феминизма, как социально вредной и опасной идеологии, о чем мы подробно писали на основании наших исследований (Великая, Овчарова 2018). В 2018 году депутат Милонов предлагал ввести уголовное наказание за любую пропаганду феминизма; а в 2023 году Законопроект о признании феминизма экстремистской идеологией подготовил замглавы комитета по информационной политике Олег Матвейчев. Эта тема вплоть до сегодняшнего дня с известной периодичностью освещается в СМИ именно в таких коннотациях. Необходимо обратить внимание на новые явления цензурирования, которые затрагивают свободу выражения взглядов на вопросы семьи и деторождения. Недавнее принятие закона о запрете пропаганды отказа от детей сопровождается блокированием интернет-сообществ, СМИ, частных аккаунтов социальных сетей для борьбы с «отрицанием семейных ценностей». Некоторые ньюсмейкеры из депутатского корпуса называют такие воззрения экстремистской идеологией, которая нарушает права человека и в глазах государства должна стоять наравне с самыми мерзкими идеологиями и воззрениями, то эксперты обращают внимание на репрессивный потенциал этого закона, под действие которого может подпасть любой контент от художественных произведений до личных постов в социальных сетях, если он будет интерпретирован надзорными органами как призыв не иметь детей.

Можно констатировать, что за последние два десятилетия в России существенно изменились акценты в законах и стратегиях, формально направленных на обеспечение гендерного равенства. Если ранние документы, принятые в 1990-е – начале 2000-х гг., преимущественно воспроизводили язык международных конвенций о равных правах и возможностях мужчин и женщин, то сегодня гендерная политика увязывается с задачами демографического роста, укрепления семьи, профилактики «девиаций» и контроля

над репродуктивным поведением. Как результат, Россия так и не ратифицировала Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), что ограничивает и затрудняет в том числе законодательную работу в этой сфере. В 2004 году была ликвидирована Комиссия при правительстве РФ по вопросам улучшения положения женщин. Работающий в Государственной Думе Комитет по вопросам семьи, женщин и детей сосредотачивается главным образом на демографической и семейной политике. Начиная с 2008 г. Комитет не продвинул ни одного закона в интересах именно женщин и в целях достижения гендерного равенства (Гнедаш, Резвушкина, 2017, с. 27). Не продвигается и принятие закона о Насилии против женщин при том, что последние поправки о декриминализации семейного насилия имели следствием рост количества жертв домашнего насилия. В 2019 году шло активное обсуждение внесенного в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», на который пришло более 11 тыс. отзывов. Он был подвергнут жесткой критике не только рядом депутатов Государственной Думы, но и представителями общественных и религиозных организаций. Так, с точки зрения религиозных деятелей, принятие закона о домашнем насилии подрывает традиционные семейные устои, искажает саму суть института семьи и позволяет государственным органам вмешиваться в семейную жизнь. Кроме этого, 181 общественные организации (среди которых «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС), Общероссийскую общественную организацию в защиту семьи и традиционных семейных ценностей «АРКС», Всероссийское Общественное Движение «Сорок Сороков») подписали открытое письмо В.В. Путину против принятия данного закона.

Согласимся с коллегами, считающими, что «несмотря на гарантированное Конституцией страны равенство мужчин и женщин, «в реальности гендерная дискриминация сохраняется во всех сферах жизни российского общества», а предпринимаемые государством меры по улучшению демографической ситуации «усиливают дискриминацию по признаку пола»¹.

Казахстан, после присоединения к Пекинской декларации в 1995 году, сохранял курс на формирование гендерной политики, а в декабре 1998 года Указом Президента Республики Казахстан была создана Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике, которая

¹ Альтернативный доклад «Выполнение Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в Российской Федерации». (2010). Консорциум женских неправительственных объединений. <http://www.cdep.ru/mps/4/ch4/4-2.pdf>

функционирует и по сей день; в регионах работают соответствующие консультативно-совещательные органы.

В Казахстане стратегические установки в области гендерного равенства и семейной политики были систематизированы в «Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года»¹, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан 6 декабря 2016 года, где декларируется обеспечение равных прав, выгод, обязанностей и возможностей для женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни; необходимость устранения всех форм гендерной дискриминации и усиления мер по предотвращению бытового насилия. При этом традиционно важная часть документа посвящена именно семейной политике, укреплению института семьи, повышения рождаемости при сохранении национально-культурных традиций.

Несмотря на существование широкого спектра формальных прав и механизмов защиты, включая квоты для женщин и молодежи в партийных списках, развитие инфраструктуры кризисных центров и программ поддержки женского предпринимательства, практики реализации законодательных норма нередко сталкиваются с сопротивлением патриархальных норм и религиозных установок, что находит отражение в риторике о «недопустимости заимствования чуждых ценностей» и необходимости учитывать национальные особенности при проведении гендерной политики». При этом многие эксперты, активисты, имеющие доступ к СМИ, обращают внимание, что развитию гендерного равенства в стране препятствует сохранение некоторых архаичных традиций. Так, недавно один из депутатов РК Мурат Абенов, который ранее был инициатором статьи о принуждении к браку, предлагая наказывать имамов за незаконные браки, подчеркнул, что любые попытки узаконить второй брак или признать детей от «токал» нарушают права женщин и детей, состоящих в официальном браке, что вызвало критику со стороны ряда общественных организаций традиционалистского толка.

Добавим, что Республика Казахстан, так же как Россия и Узбекистан, не подписала Стамбульскую конвенцию о предотвращении насилия, хотя такая возможность рассматривается². Резонансное убийство Салтанат Нукиной экс-министром экономики К. Бишимбаевым и последующий судебный процесс, активное обсуждение пробелов в законодательстве и правоприме-

¹ Концепция семейной и гендерной политики Республике Казахстан до 2030 года. Официальный сайт GOV.Kz. Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. <https://www.gov.kz/memleket/entities/fam/documents/details/18533?lang=r>

² Демократический курс «Справедливого Казахстана» в центре внимания Совета Европы. (2023). Официальный сайт Правительства РК. Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/631814?lang=ru>

нительной практики общественностью, в том числе женскими организациями по сути привели к тому, что 15 апреля 2024 года президент Казахстана К.-Ж. Токаев подписал Закон по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей, хотя ранее в 2021 года аналогичный законопроект был отозван из Меджлиса после первого чтения. Принятие закона, ужесточающего наказание за преступления в сфере семейно-бытового насилия, стало знаковым, учитывая, что в Казахстане, как и в других странах Центральной Азии сохраняется высокая степень толерантности общества к домашнему насилию, а его противники и в 2023 году довольно активно выступали в публичном пространстве. Принципиальным является тот факт, что уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан поддерживал принятие этого закона и в своем докладе «О противодействии семейно-бытовому насилию» обратил внимание, что после криминализации бытового насилия на 3 года, с 2015 по 2017 гг., количество убийств снизилось в 2–3 раза.

В 2024 году депутаты РК выразили намерение разработать модельный закон о домашнем насилии для стран СНГ. Показательно, что в России эти новации были восприняты без энтузиазма. В частности, председатель Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Нина Останина в беседе с сетевым изданием «360», выразила сомнения в том, что подобный закон нужен в России, аргументируя отсутствием «большой общественной поддержки».

С другой стороны, в плане регулирования и ограничения нежелательных явлений в сфере семейных отношений, Казахстан во многом повторяет путь Российской Федерации. Так, ориентируясь на опыт работы с женскими организациями в России и деятельность Союза женских сил, в 2019 году была создана общенациональная организация Альянс женских сил Казахстана, куда вошли представители более 20 женских НКО. В конце 2025 года были приняты поправки о запрете пропаганды ряда организаций; а в предложенных в 2025 году поправках в Конституцию РК, которые выносятся на референдум в 2026 году, помимо всего прочего, содержится положение о том, что «Брак – это добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, зарегистрированный государством в соответствии с законом».

В Узбекистане в 1990-е гг. продолжали функционировать традиционные для советского времени крупнейшие организации – «Комитет женщин Республики Узбекистан», «Ассоциация женщин-предпринимателей», «Ассоциация женщин-ученых». Особенно возросла активность женских общественных организаций в 1995-1996 гг. В этот период в Ташкенте были организованы центр «Женщины-лидеры» и ассоциация «Женщины-ветераны», во многих городах страны – многочисленные центры доверия, которые оказывали психологическую помощь женщинам (Собирова, Ганиева, 2016). В

настоящее время продолжает работать зарегистрированный еще в 2017 году проект «Не молчи.UZ», направленный на борьбу с насилием против женщин и ставящий целью изменить отношение общества к подобному вопросу.

Вместе с тем, гендерная повестка активно вышла в публичный дискурс с 2016 года, после избрания нового президента Ш. Мирзиёева, который начал проводить либерализацию как экономической, так и политической сферы (Гуселетов, Великая, 2025, с. 84). Помимо трансформации партийно-политической системы, которая стала более открытой, расширился доступ в информационное пространство лидерам общественного мнения, выступающих с женской повесткой. Однако главным спикером и ньюсмейкером в этой области являлся сам президент. В 2019 году Президентом Республики Узбекистан было предложено в Сенате новую структуру Комитет по вопросам женщин и гендерного равенства. Главное, что в это же время был принят Закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин», закрепивший принцип равноправия в личной, политической, экономической и социальной сферах. Закон предусматривает не только разработку государственных программ и национальных планов в области гендерной политики, но также создает институт уполномоченных лиц по вопросам обеспечения равных прав и возможностей и вводит обязательную гендерно-правовую экспертизу нормативно-правовых актов, направленную на выявление их несоответствия принципам гендерного равенства и возможных рисков дискриминационного характера. 2 сентября 2019 года принят Закон «О защите женщин от притеснений и насилия», который выходит за рамки понятия «домашнее насилие» и регулирует отношения в области защиты женщин в быту, на рабочих местах и т.д. Ориентируясь на показатели ООН, была разработана и принята в 2021 году Стратегия достижения гендерного равенства в Республике Узбекистан до 2030 года (Гендерная стратегия) и Комплексная программа мер по реализации Гендерной стратегии с широким комплексом мер, в сфере защиты от насилия в семье. Целый ряд административных решений институционализировал специальные органы, отвечающие за работу с женщинами. В частности, созданный Республиканский общественный совет женщин во главе с Председателем Сената Олий Мажлиса, решает задачи всесторонней поддержки женщин и девушек и выполнения положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин наряду с др. международными документами. В стране также функционируют Министерство по поддержке махалли и семьи, Фонд по поддержке женщин и семьи, который в том числе организует программы по организации семейного и частного предпринимательства, обучению и переобучению женщин востребованным на рынке труда профессиям. Женская тема стала предметом

интереса и со стороны региональных и местных властей. Запущенная по инициативе президента программа «железная тетрадь» реализуется Министерством по поддержке махалли и семьи и Федерацией профсоюзов и фактически формируют новую модель социальной защиты в стране. Программа «женская тетрадь» в известном смысле компенсирует отсутствие институтов гражданского общества в социальной сфере, нацелена на организацию адресной работы с женщинами¹.

Существенным сдвигом стали и принятые в 2023 году поправки в уголовный и административный кодекс, криминализирующие домашнее насилие, которое теперь рассматривается как уголовно наказуемое преступление. Кроме того, была ужесточена ответственность за экономическое и психологическое насилие, а также за насилие в отношении несовершеннолетних. Эту работу также курировала старшая дочь президента страны и С. Мирзиеева, которая до 2025 г. занимала должность заведующей сектором по коммуникациям и информационной политике Исполнительного аппарата Администрации президента, была заместителем директора Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента.

Действующие власти различными способами регулируют деятельность НКО, включенных в женскую повестку. В России в последние годы целый ряд правозащитных женских организаций был признан ино-агентами, но деятельность организаций, так или иначе ассоциированных с властью поддерживается при условии продвижения основных идей государственной семейной политики, в более радикальных версиях. В Узбекистане, где сектор гражданского общества был значительно сжат, только в последние годы идет процесс формирования сети женских организаций, деятельность которых направлена, главным образом на социальную защиту и поддержку.

Государственная семейная политика и национальные цели

Во всех трех странах женские интересы рассматриваются прежде всего через призму семейной политики, которая в публичном дискурсе репрезентируется как ключевой элемент национальных стратегий.

В России государство реализует широкий спектр социально-экономических мер поддержки семьи и рождаемости: ежемесячные пособия, материнский капитал, налоговые вычеты и др., что широко освещено в научной литературе. Реализуемые национальные проекты по демографии, были призваны повысить рождаемость и поддержать многодетность в Российской Федерации.

¹ Социальные тетради в Узбекистане: новый механизм поддержки населения? (2025). ANHOR.UZ. <https://anhor.uz/vzglyad-iznutri/social-notebooks/>

Результативность этих программ неоднозначно оценивается экспертами, а ведущие демографы, анализируя полный спектр предпринимаемых государством мер, подчеркивают ограниченность эффекта таких шагов: без реальных условий для совмещения родительства и занятости женщин, без развитой инфраструктуры, без стимулирования социально-экономических условий устойчивого роста рождаемости ожидать маловероятно (Демографическое, 2024).

В российском президентском дискурсе демографическая и семейная повестка на протяжении последних лет занимает центральное место, связывается с идеями народосбережения и суверенитета. На заседании по социальным вопросам в 2025 году президент, отметил, что семья и дети являются «главным смыслом жизни большинства наших граждан» и ключевым ресурсом развития страны¹. Показательными здесь будут и выступления лидеров политических партий. Так, Г. Зюганов, критикуя политику правительства, часто рассуждает о вымирании русского народа, о низком уровне рождаемости и высоком уровне смертности, предлагая некоторые дополнительные меры стимулирования роста населения: «Чтобы выжить, нужно минимум 200-250 млн. Поэтому вопрос о многодетной семье – это вопрос исторического выживания и страны, и государства, и каждого из нас.... А на любого новорожденного нужно смотреть как на будущего труженика и солдата, и государству нужно брать на свои плечи очень многие заботы в деле поддержке семей². Рецепты повышения рождаемости и решения демографической проблемы часто принимают гротескные формы, как идеи В.В. Жириновского о необходимости введения многоженства в России, озвученные с думской трибуны в ходе круглого стола «Традиционные ценности и правовые гарантии их обеспечения»³.

В Казахстане в выступлениях президента и членов правительства гендерная тематика чаще связывается с задачами модернизации и вхождения в число 30 наиболее развитых стран мира, что требует «полного раскрытия потенциала женщин в экономике и управлении» при одновременном сохранении семейных ценностей». Президент Токаев неоднократно отмечал, ссылаясь на индекс гендерного равенства, что государство на системном уровне расширяет возможности для участия женщин в политике, государственном

¹ Путин В. В. (2025). Совещание по социальным вопросам: стенограмма выступления. Официальный сайт Президента Российской Федерации. <http://kremlin.ru/events/president/news/77439>

² Заседание Госсовета по вопросам семьи 20.12.2024. Стенограмма. Официальный сайт Президента России Kremlin.ru. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75918>

³ Жириновский призвал ввести многоженство в России. (2019). Известия. <https://iz.ru/934612/2019-10-21/zhirinovskii-prizval-razreshit-mnogozhenstvo-v-rossii>

управлении, бизнесе: «Дочери Великой степи были надежными хранительницами культурных традиций и духовно-нравственных ценностей нашего народа. Поэтому неуклонно продвигаясь по пути прогресса и созидания, мы не должны поддаваться чуждым нашему менталитету веяниям, ограничивая права женщин¹. В официальных речах нередко подчеркивается, что усиление экономической автономии женщин и борьба с насилием, это не только требование международных обязательств, но и условие устойчивого развития самой казахстанской государственности).

В Узбекистане президентский дискурс в последние годы сочетает модернизационные мотивы повышения роли женщин в экономике и управлении с традиционалистскими акцентами на семейной стабильности и духовных ценностях. Как правило президент Республики Узбекистан подчеркивает формальные успехи в плане повышения представительство женщин в органах власти, в росте количества женщин, получающих высшее образование. В ряде выступлений подчеркивается необходимость расширения участия женщин в бизнесе и публичной сфере: «Активное участие женщин в управлении делами общества и государства – это актуальный вопрос сегодня. Благородная цель, лежащая в основе нашей национальной политики в этой области, это обеспечение прочности семьи, правовой защиты и благополучия женщин и девочек. Мы также проводим системную работу по достижению гендерного равенства»². При этом неизменно отмечается их «особая миссия» в семье и воспитании детей, что задает рамку для социально приемлемых с точки зрения власти форм женской активности. Что касается мер социальной политики в интересах женщины, то она проходит скорее стадию апробации в рамках программ адресной социальной помощи, создания дополнительных ресурсов для получения образования и новой квалификации и т.д. Как справедливо заметила советник президента Мирзиёева, комментируя вхождение Узбекистана в топ-5 стран мира с наилучшим прогрессом в области гендерного равенства, «то не значит, что мы вдруг стали жить в самом прогрессивном обществе и искоренили насилие. Это значит, что мы должны работать над применением этих законов каждый день, продолжать работу над созданием более равных условий труда и равных экономических возможностей»³.

¹ Президент высказался о статусе женщины в Казахстане. (2022). Наша страна по гендерному равенству входит в число ведущих азиатских стран. LITER. Новости Казахстана. <https://liter.kz/o-vazhnosti-zashchity-prav-zhenshchin-vyskazalsia-tokaev-1668574098/>

² Мирзиёев сообщил о проводимой Узбекистаном работе по достижению гендерного равенства. (2023). <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18789763>.

³ Это не значит, что мы вдруг стали жить в самом прогрессивном обществе – Мирзиёева о достижении прогресса в гендерном равенстве. (2024). PODROBNO.UZ.

Институционализация консервативного консенсуса

Как мы уже отметили, Россия, Казахстан и Узбекистан, находясь в поле взаимного влияния и заимствования практик как в политической сфере, так и в социальной, функционирование которой в значительной мере определяется в том числе особенностями воспроизводства населения. Статистические данные за 1991-2024 гг. свидетельствуют о доминировании тенденции снижения рождаемости практически во всех странах СНГ. Суммарный коэффициент рождаемости в 2024 году в России составил 1,4 ребенка на одну женщину, в Казахстане - 2,8, в Республике Узбекистане - 3,4¹. При этом расширенное воспроизводство населения в Узбекистане и Казахстане обеспечивается суммарной рождаемостью (около 3 детей на женщину и более), что является основой для быстрого роста численности населения и его очень молодого состава². В России же фиксируется устойчивое старение населения и рост доли лиц старше трудоспособного возраста. Для Казахстана и Узбекистана возрастная структура демонстрирует так называемое «демографическое окно» с высоким удельным весом молодежи и значительно меньшей долей пожилых. В России и Казахстане, в отличие от Узбекистана, сохраняется традиционный «женский перевес» в старших возрастных группах³. Эти различия становятся важным фоном для неоконсервативного дискурса: в России акцент делается на «демографическом выживании», тогда как в Казахстане – на управлении ростом, а в Узбекистане – на мягком сдерживании демографического роста и управлении структурными дисбалансами. Если в Казахстане и Узбекистане неоконсервативный поворот произвел в первые годы обретения независимости на фоне суверенизации и выстраивания национальной идентичности, противопоставляемой «советской», то в России он опирался на уже сложившийся к началу 2010-х годов дискурс «традиционных ценностей», кристаллизовавшийся в ходе обсуждения законов об ограничении «пропаганды нетрадиционных отношений», реформ семейного законодательства и конституционных поправок.

<https://podrobno.uz/cat/obchestvo/eto-ne-znachit-chto-my-vdrug-stali-zhit-v-samom-progressivnom-obshchestve-mirziyeva-o-dostizhenii-p/>

¹ База данных Статкомитета СНГ. (2025). <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>;

² Население стран СНГ. Часть 1. Демоскоп weekly. (2025). <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01101/barom05.php>

³ Половозрастной состав населения стран СНГ. (2025). Межгосударственный статистический комитет содружества независимых государств. <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176>

Женское предназначение и женственность конструируются в рамках четырех доминирующих фреймов публичного дискурса. Первый фрейм, где женщина-мать рассматривается как ключевой субъект демографической политики. В многочисленных выступлениях президента и представителей правительства подчеркивается, что «демографическое будущее» России зависит от готовности женщин рожать «второго и третьего ребенка», а материнство представляется не только личным выбором, но и гражданским долгом (Чурилова, Захаров, 2019; Великая, Князькова, 2021). В программных заявлениях о национальных целях развитие семейной политики увязывается с укреплением государственности, а повышение рождаемости – с преодолением последствий исторических потрясений и войн. Основными дискурсивными практиками здесь являются апеллирование к долгу, чести, обязанностям.

Второй фрейм – женщина как хранительница традиционных ценностей. В политическом и медийном дискурсе активно конструируется образ «правильной» женственности, предполагающей сочетание профессиональной самореализации с безусловным приоритетом семьи и детей; феминизм и радикальные формы борьбы за гендерное равенство нередко описываются как разрушительные по отношению к «естественному» порядку. На этом поприще отметились и Председатель Союза женщин и бывший депутат ГД ФС РФ пяти созывов Е. Лахова, и многочисленные представители церкви, и бывший уполномоченный по правам ребенка П. Астахов, поддержавший браки с несовершеннолетними девушками, и уже упоминаемая И. Яровая, которая выступила против сексуального образования детей, что фактически противоречит ст. 16 п. Е. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, где предусмотрено сексуальное образование и просвещение, которое увязывается с сохранением репродуктивного здоровья женщин.

Казахстан и Узбекистан демонстрируют адаптацию аналогичных традиционалистских нарративов к иной политико-культурной среде. В Казахстане стратегия гендерного равенства и многочисленные государственные программы по поддержке женщин и семьи соседствуют с устойчивым акцентом на сохранении «традиционных ценностей». В Узбекистане, где ислам играет более значимую роль в общественной жизни, консервативные установки на многодетность, ранние браки и иерархическую структуру семьи еще более явно вплетены в публичный дискурс. Таким образом, официальные документы, фиксируют необходимость ликвидации дискриминации и расширения экономического участия женщин, но в публичных выступлениях политических и религиозных лидеров

нередко звучат тезисы о «недопустимости копирования чуждых моделей» и приоритете национально-культурных норм в регулировании семейных отношений.

В рамках третьего фрейма женщина становится объектом социального патернализма. Государственные программы поддержки семей, материнства и детства, расширяя спектр льгот и пособий, одновременно закрепляют асимметричное распределение ответственности: именно женщины рассматриваются в качестве основных адресатов социальной политики, тогда как государство и бизнес сохраняют патриархальные практики организации труда и ограниченные возможности для совмещения профессиональной и семейной сфер.

Четвертый фрейм, где женщины представлены как деперсонализированный объект в социальных отношениях, которым часто отказано в субъектности и праве принимать решения. Дискурсивные стратегии этого фрейма агрессивны и наполнены коннотациями мизогинии, связаны с множественными запретами для женщин как в сфере репродуктивного поведения, так и семейных отношений, быта и внешнего вида (Velikaya, Rodionova, 2025). Этот дискурс часто разворачивается религиозными лидерами и представителями организаций традиционалистского толка.

Так, представители Русской православной церкви, подчеркивая особую духовную миссию женщины в семье и обществе, весьма активны в продвижении инициатив по ужесточению регулирования аборт и расширению программ «профилактики» прерывания беременности, таких как программы фонда «Женщины за жизнь», который активно работал с региональными общественными палатами и парламентами при принятии законов о штрафах за склонение к аборт. В настоящее время такие законы приняты в 24 субъектах РФ. Патриарх Кирилл призвал распространить запрет на "склонение к абарту" на федеральный уровень как ответ на демографический кризис, церковь тем самым поддерживает стратегию сокращения аборт, что вызывает закономерную критику правозащитников и экспертов. В частности, член совета по правам человека (СПЧ) Е. Меркачева спрашивает: «Для кого этот закон? Разве он не дискредитирует наших врачей? Я не знаю ни одного доктора, который без медицинских показаний советовал бы женщине сделать аборт»¹.

На узбекоязычном сайте религиозно-исламского направления в марте было опубликовано обращение к прихожанам главного имама-

¹ В СПЧ раскритиковали принятый в Мордовии закон о запрете склонять к аборт. (2023). Лента.ру. <https://lenta.ru/news/2023/08/03/merkachhg/>

хатыба Юнусабадского района, преподавателя Ташкентского исламского института, имама мечети «Мирза Юсуф» Рахматулло Сайфуддинова, в котором он призвал запретить мужчинам работать гинекологами.

Управление по делам религий города Алма-Аты, рассказывая, как в современных обществах переплетены религиозные установки и светские ценности, подчеркивает доминирование мужчины в семье: ...роль женщины в исламе сводится к семейным заботам. Но это не значит, что религия ущемляет свободу женщины. У нее есть права! В том числе на труд, на образование. Другое дело, что вера обязывает ее подчиняться мужчинам. Именно от них зависит, сможет ли женщина-мусульманка вести полноценную жизнь в обществе или будет заниматься сугубо семейным бытом¹. При этом и в Узбекистане, и в Казахстане власти декларируют курс на модернизацию, и штрафы за призывы к насилию выносятся даже священнослужителям. Так, в мае 2024 года штраф в размере 6,8 млн сумов был назначен заместителю имама мечети в Сырдарьинской области на свадьбе своего знакомого прочитал религиозную лекцию, где призвал женщин рожать. Таким образом неоконсервативный поворот проявляется не в отказе от формальных обязательств по обеспечению гендерного равенства, сколько в постепенном смещении акцентов с прав и свобод личности на обязанности по отношению к семье, нации и государству. Женская субъектность в публичном дискурсе редуцируется до совокупности ролей – матери, жены, хранительницы традиций, в то время как вопросы политического участия, свободы от насилия остаются на периферии или трактуются как второстепенные по сравнению с задачами демографического и морального «возрождения».

Неоконсервативный консенсус в России, Казахстане и Узбекистане целесообразно рассматривать как совокупность институциональных и дискурсивных изменений, затрагивающих конституционные нормы, законодательство о семье и гендерном равенстве, доминирующие социальные практики в разных общественных сферах.

Сравнительное исследование позволяет говорить о трех вариантах консервативного консенсуса. Российский вариант отличается высокой степенью институциональной оформленности и идеологической артикулированности: гендерная повестка встроена в «национальные цели» развития.

Казахстанский вариант демонстрирует баланс между модернизационной риторикой и традиционалистскими ожиданиями: государство де-

¹ Современная женщина и ислам. (2020). Ценности, традиции и перемены. Informburo.kz. <https://informburo.kz/special/sovremennaya-zhenshchina-i-islam-cennosti-tradicii-i-peremeny.html>

кларирует приверженность международным стандартам гендерного равенства, развивает программы по противодействию насилию и поддержке женского лидерства, но одновременно ограничивает политизацию феминистской повестки и оставляет неизменным патриархальный каркас семейного уклада.

Узбекский вариант характеризуется более сильной интеграцией религиозно-культурных норм в государственную политику: закон о равных правах и возможностях женщин и мужчин сосуществует с установками на многодетность, ранние браков и подчиненную роли женщины в семье. НКО выступают преимущественно как инструменты реализации программ по борьбе с насилием и социальной поддержке, а не как площадки для критики существующего гендерного порядка.

Однако, подчеркивая необходимость сохранения традиционной модели гендерных ролей, основные спикеры с властными полномочиями в Казахстане и Узбекистане в настоящее время используют гендерный подход и терминологию международных и европейских документов.

Во всех трех странах неоконсервативный дискурс опирается на союз государства, религиозных институтов и лояльной части гражданского общества. Неоконсервативный поворот в этих странах проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях.

Во-первых, происходит постепенное вытеснение либеральной риторики прав человека на периферию публичного пространства при одновременном усилении апелляций к «традиционным ценностям», «исторической памяти», религиозным и семейным нормам (Айвазова, 2017; Козлова, 2022), а женские права редуцируются до функций материнства, заботы о семье и воспроизводства «демографического ресурса». При этом противоположная точка зрения, выражаемая женскими правозащитными и феминистскими организациями, маргинализируется и нередко маркируется как «чуждые ценности» или «угроза национальной идентичности». В этом смысле Россия, Казахстан и Узбекистан формируют своеобразный «треугольник» постсоветского неоконсерватизма, в котором пересекаются наследие советской эмансипации, транснациональные консервативные тренды и локальные религиозно-культурные особенности.

Во-вторых, конструируется образ внешней и внутренней угрозы в виде «гендерной идеологии», радикального феминизма, которые представляются как инструменты подрыва культурной и политической суверенности.

В-третьих, женская тематика функционализируется как ресурс демографической политики: женщина мыслится прежде всего, как мать, хранительница семейного очага и носительница национальной идентич-

ности, а ее участие в политике и рынке труда признается желательным лишь постольку, поскольку оно не противоречит этим базовым ролям.

Проведенный анализ гендерной проблематики в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана позволяет констатировать, что гендерная повестка в трех странах стала важным элементом неоконсервативного поворота, обеспечивая символический ресурс для легитимации авторитарных и гибридных режимов через апелляции к традиционным ценностям через противопоставление ценностям Запада. Неоконсервативный поворот в этом смысле не столько возвращение к исторической «традиции», сколько конструирование нового консервативного консенсуса, отвечающего задачам стабилизации режимов и мобилизации поддержки в условиях социально-экономической неопределенности.

Несмотря на различия в демографических режимах и уровне экономического развития, во всех трех кейсах наблюдается тенденция к редукции женской субъектности до набора ролей, совместимых с задачами демографической и моральной стабилизации.

Формальная институционализация гендерного равенства в законах, стратегиях и международных обязательствах конструирует своего рода «фасадное равенство», которое не всегда сопровождается реальными изменениями в распределении власти, ресурсов и возможностей между мужчинами и женщинами. Это проявляется в устойчивости патриархальных практик в семье и на рынке труда, ограниченном доступе женщин к политическим решениям и контроле над их репродуктивным выбором.

В этой перспективе дальнейшее развитие гендерной политики в России, Казахстане и Узбекистане будет зависеть от того, удастся ли преодолеть парадокс «равенства без субъектности» и перевести дискуссию из плоскости демографических и моральных аргументов в плоскость прав и свобод личности. Пока же консервативный консенсус сохраняет устойчивость, а женская повестка в публичном дискурсе остается одновременно заметной и структурно ограниченной, что задает рамки для будущих исследований о возможных сценариях трансформации и контрмобилизации.

Литература

- Ashwin, S. (Ed.). (2000). *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Connell, R. W. (1987). *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford University Press.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., & Jorge, J. A. (2005). Feminist methodology: New applications in the academy and public policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 30(4).
- Graff, A. (2016). 'Gender ideology': Weak concepts, powerful politics. *Religion and Gender*, 6(2), 268–272.
- Karabayeva, A. (2021). Leaders, ideas, and norm diffusion in Central Asia and beyond. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(1), 25–44. <https://doi.org/10.1177/2057891119887813>
- Tartakovskaya, I. (2000). The changing representation of gender roles in the Soviet and Post-Soviet press. In S. Ashwin (Ed.), *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia* (pp. 118–136). Routledge.
- Velikaya, N., & Rodionova, M. (2025). Reproductive right vs reproductive responsibilities: Particularities of political gender discourse in Russia in the context of the population crisis. *Power Asymmetries: Gender, Ideology and Democracy*, (2), 69–96. <https://doi.org/10.13133/3103-4667/140>
- Абрамов, А. В., & Алексеев, Р. А. (2023). К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 28(3), 54–64. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.5>
- Айвазова, С. Г. (2017). Гендерный дискурс в поле консервативной политики. *Женщина в российском обществе*, (4), 3–13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1>
- Великая, Н. М. (2018). Женщины vs феминистки: парадоксы гендерного дискурса в России. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, & Л. Н. Тимофеева (ред.), *Политика развития, государство и новый порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов* (с. 107–108). Аспект-Пресс.
- Великая, Н. М., & Князькова, Е. А. (2021). Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России. *Женщина в российском обществе*, (5), 25–37. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.2>
- Великая, Н. М., & Овчарова, О. Г. (2018). Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России. В *Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: Материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча»* (с. 29–34). Бурятский государственный университет.
- Виноградов, А. В., & Рябов, А. В. (2019). Политические системы постсоветских государств и Китая в процессе межсистемной трансформации. *Полис. Политические исследования*, (3), 69–86. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.05>
- Воронина, О. В. (2013). Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия. *Женщина в российском обществе*, (3), 12–20.
- Гнедаш, А. А., & Резвушкина, Т. А. (2017). Национальные механизмы гендерного равенства в России и Казахстане: акторы, уровни, институциональные ресурсы. *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*, 87(3), 25–31.
- Гуселетов, Б. П., & Великая, Н. М. (2025). Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов. *Регионоведение*, 33(1), 77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>

Козик, И. В., & Деметрадзе, М. Р. (2025). Социокультурный статус женщин в государствах Центральной Азии в постсоветский период. В М. А. Булавина & В. И. Герасимов (ред.), *Женское лицо нового миропорядка: Материалы первого всероссийского симпозиума (18 марта 2025 года)* (с. 55–70). УМЦ.

Козлова, Н. Н., Овчарова, О. Г., & Рассадин, С. В. (2022). Государственная семейная политика в субъектах Российской Федерации: официальный и гражданский дискурсы в регионах с тенденцией увеличения рождаемости. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, 15(1), 124–134. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-124-134>.

Ломова, Т. Е. (2021). Женские организации как сегмент гражданского общества современной России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 14(2), 124–142. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.202>

Малышева, Д. Б. (2018). Политические процессы в республиках постсоветской Центральной Азии. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11(3), 36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52>

Мекебаева, М. А. (2018). К вопросу изучения гендерной проблематики в Казахстане. *Вестник Казахского государственного педагогического университета*, (1), 103–108.

Мемешева, Л. А. (2020). Гендерное равенство как один из факторов социально-экономического развития Узбекистана. *Бюллетень науки и практики*, 6(7), 257–261. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/56/28>

Милованова, М. Ю. (2025). Социо-гендерный потенциал новой евразийской интеграции. В М. А. Булавина & В. И. Герасимов (ред.), *Женское лицо нового миропорядка: Материалы первого всероссийского симпозиума (18 марта 2025 года)* (с. 126–133). УМЦ.

Могилевский, Р. (2021). Рынок труда и технологическое развитие в Центральной Азии. *Доклад Института государственного управления и политики Университета Центральной Азии*, (58), 1–45.

Мусурманкулов, Ф. У., & Бердалиева, Г. А. (2016). Роль женщин в духовной жизни Республики Узбекистан. *Молодой ученый*, (13), 632–634.

Нисневич, Ю. А., & Рябов, А. В. (2017). Постсоветский авторитаризм. *Общественные науки и современность*, (4), 84–97.

Осмонова, Д. А. (2018). Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (11), 170–171.

Ростовская, Т. К., Шабунцова, А. А., Архангельский, В. Н., и др. (2025). *Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад – 2024*. Вологодский научный центр РАН.

Рябова, Т. Б. (2001). Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы. *Женщина в российском обществе*, (3-4), 3–12.

Силласте, Г. Г. (2020). Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка. *Женщина в российском обществе*, (2), 38–51. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.4>

Собирова, Д. Т., & Ганиева, М. А. (2016). Защита интересов женщин в независимом Узбекистане. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, (4), 36–39.

Чурилова, Е., & Захаров, С. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма. *Вестник общественного мнения*, (2), 66–87.

References

- Abramov, A. V., & Alekseev, R. A. (2023). Toward an assessment of the transformation trajectories of Post-Soviet political systems. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations*, 28(3), 54–64. (In Russ)
- Ashwin, S. (Ed.). (2000). *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Ayvazova, S. G. (2017). Gender discourse in the field of conservative politics. *Woman in Russian Society*, (4), 3–13. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.4.1> (In Russ)
- Churilova, E., & Zakharov, S. (2019). Reproductive attitudes of the Russian population: Is there reason for optimism? *Bulletin of Public Opinion*, (2), 66–87.
- Connell, R. W. (1987). *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford University Press.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., & Jorge, J. A. (2005). Feminist methodology: New applications in the academy and public policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 30(4).
- Gnedash, A. A., & Rezvushkina, T. A. (2017). National mechanisms of gender equality in Russia and Kazakhstan: Actors, levels, institutional resources. *Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy*, 87(3), 25–31. (In Russ)
- Graff, A. (2016). 'Gender ideology': Weak concepts, powerful politics. *Religion and Gender*, 6(2), 268–272.
- Guseletov, B. P., & Velikaya, N. M. (2025). Transformation of party systems in Central Asian countries in the context of strengthening political regimes. *Regionology*, 33(1), 77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090> (In Russ)
- Karabayeva, A. (2021). Leaders, ideas, and norm diffusion in Central Asia and beyond. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(1), 25–44. (In Russ)
- Kozik, I. V., & Demetradze, M. R. (2025). Sociocultural status of women in Central Asian states in the Post-Soviet period. In M. A. Bulavina & V. I. Gerasimov (Eds.), *Zhenskoe litso novogo miroponyadka: Materialy pervogo vserossiyskogo simpoziuma (18 marta 2025 goda)* [The female face of the new world order: Proceedings of the first all-Russian symposium (March 18, 2025)] (pp. 55–70). UMTs. (In Russ)
- Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., & Rassadin, S. V. (2022). State family policy in the constituent entities of the Russian Federation: Official and civil discourses in regions with a tendency to increase the birth rate. *Bulletin of South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*, 15(1), 124–134. (In Russ)
- Lomova, T. E. (2021). Women's organizations as a segment of civil society in modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 14(2), 124–142. (In Russ)
- Malysheva, D. B. (2018). Political processes in the republics of Post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(3), 36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52> (In Russ)
- Mekebaeva, M. A. (2018). On the issue of studying gender issues in Kazakhstan. *Bulletin of Kazakh State Pedagogical University*, (1), 103–108. (In Russ)
- Memesheva, L. A. (2020). Gender equality as one of the factors of socio-economic development of Uzbekistan. *Bulletin of Science and Practice*, 6(7), 257–261. (In Russ)
- Milovanova, M. Yu. (2025). Socio-gender potential of new Eurasian integration. In M. A. Bulavina & V. I. Gerasimov (Eds.), *Zhenskoe litso novogo miroponyadka: Materialy pervogo vserossiyskogo simpoziuma (18 marta 2025 goda)* [The female face of the new world order: Proceedings of the first all-Russian symposium (March 18, 2025)] (pp. 126–133). UMTs. (In Russ)

- Mogilevskiy, R. (2021). *Rynok truda i tekhnologicheskoe razvitie v Tsentral'noy Azii* [Labor market and technological development in Central Asia]. *Doklad Instituta gosudarstvennogo upravleniya i politiki Universiteta Tsentral'noy Azii*, (58), 1–45. (In Russ)
- Musurmankulov, F. U., & Berdalieva, G. A. (2016). The role of women in the spiritual life of the Republic of Uzbekistan. *Young Scientist*, (13), 632–634. (In Russ)
- Nisnevich, Yu. A., & Ryabov, A. V. (2017). Post-Soviet authoritarianism. *Social Sciences and Contemporary World*, (4), 84–97. (In Russ)
- Osmonova, D. A. (2018). Features of contradictions and interaction of gender and religion in modern Central Asia. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (11), 170–171. (In Russ)
- Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Arkhangelskiy, V. N., et al. (2025). *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2024* [Demographic well-being of Russian regions: National demographic report – 2024]. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ)
- Ryabova, T. B. (2001). Gender stereotypes and gender stereotyping: Methodological approaches. *Woman in Russian Society*, (3-4), 3–12. (In Russ)
- Sillaste, G. G. (2020). Labor market, employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*, (2), 38–51.
- Sobirova, D. T., & Ganieva, M. A. (2016). Protection of women's interests in independent Uzbekistan. *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, (4), 36–39. (In Russ)
- Tartakovskaya, I. (2000). The changing representation of gender roles in the Soviet and Post-Soviet press. In S. Ashwin (Ed.), *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia* (pp. 118–136). Routledge.
- Velikaya, N. M. (2018). Women vs feminists: Paradoxes of gender discourse in Russia. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, & L. N. Timofeeva (Eds.), *Politika razvitiya, gosudarstvo i novyy poryadok: Materialy VIII Vserossiyskogo kongressa politologov* [Politics of development, state and new order: Proceedings of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists] (pp. 107–108). Aspekt-Press. (In Russ)
- Velikaya, N. M., & Knyazkova, E. A. (2021). Women's reproductive rights in the political discourse of modern Russia. *Woman in Russian Society*, (5), 25–37. (In Russ)
- Velikaya, N. M., & Ovcharova, O. G. (2018). Gender rhetoric against the background of the conservative turn in modern Russia. In *Intelligentsiya i problemy sotsiokul'turnoy modernizatsii sovremennogo obshchestva: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Baykal'skaya vstrecha"* [Intelligentsia and problems of socio-cultural modernization of modern society: Proceedings of the 12th International Scientific Conference "Baikal Meeting"] (pp. 29–34). Buryat State University. (In Russ)
- Velikaya, N., & Rodionova, M. (2025). Reproductive right vs reproductive responsibilities: Particularities of political gender discourse in Russia in the context of the population crisis. *Power Asymmetries: Gender, Ideology and Democracy*, (2), 69–96. (In Russ)
- Vinogradov, A. V., & Ryabov, A. V. (2019). Political systems of Post-Soviet states and China in the process of intersystem transformation. *Polis. Political Studies*, (3), 69–86.
- Voronina, O. V. (2013). Gender equality policy in modern Russia: Problems and contradictions. *Woman in Russian Society*, (3), 12–20. (In Russ)

Для цитирования: Великая Н. М. Женщины в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов в XXI веке (сравнительный анализ) / Н. М. Великая // PolitBook. – 2026. – № 2. – С. 60-82. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-2-60-82.